

Татьяна Владимировна Руденко

«Шляпки последнего вкуса»

Об этом предмете дамского гардероба
и его «русской» истории

Во все века женская шляпка являлась отнюдь не только «одеждой для головы». В иерархии модных аксессуаров она, особенно в XIX столетии, занимала едва ли не главенствующее место, указывая на статус и положение в обществе ее обладательницы. В этой связи приведем свидетельство белошвейки М. И. Ключевой, собиравшейся вместе с друзьями в августе 1899 года на прогулку в Летний сад: «Мы сообщили хозяйке <...> и спросили, сколько стоит за вход, она нам сказала, что вход в сад бесплатный, но надо одеть какие-нибудь шляпки, так как в платках в этот сад не пускают»¹.

Аристократки соперничали между собой в споре, чей головной убор изысканнее. Французским дамам — признанным законодательницам шляпной моды — подражали и российские, причем не только дворянского сословия. Так, автор журнала «Москвитянин» (1856, № 7) сетовал: «Увы! Ныне и лавочницы уже носят шляпки».

В России XIX века мода была готова удовлетворить любые, самые взыскательные вкусы. Роскошные шляпки, нередко представлявшие собой настоящие произведения искусства, привозились из Парижа или шились на месте по европейским образцам. Журналы мод («Московский Меркурий», «Модный вестник», «Всеобщий модный журнал», «Модный магазин» и другие), а также художественно-литературные журналы («Библиотека для чтения», «Современник») помещали модели женских головных уборов с большим выбором фасонов и выкроек, а также рекомендации по уходу за изделиями. Живопись русских художников XIX столетия свидетельствует о том, что российские дамы в шляпной моде строго следовали общеевропейским тенденциям. Нам представляется, что обзор наиболее популярных у нас в то время фасонов «одежды для головы» будет представлять известный интерес.

* * *

Во второй половине 1820-х годов появились береты — головные уборы без полей, которые надевались на балы, званые обеды, в театры. Так, Ф. Ф. Вигель, явившись в январе 1827 года в Аничков дворец для представления императору Николаю I и его супруге, «увидел женщину стройную <...> с наиприятнейшим лицом, <...> щеголевато одетую по последней моде. Тогда был траур по герцоге Йоркском, и хотя она была в черном платье, однако бархатном с цветными лентами и в берете, только что вошедшем в употребление головном уборе»².

Однако на дружескую вечеринку, домашний концерт или спектакль приходило в берете считалось дурным вкусом. Дочь вице-

Берет.
В. А. Тропинин. Портрет Н. А. Зубовой.
Холст, масло. 1834 год

президента Академии художеств Ф. П. Толстого Мария Каменская вспоминала, как на одном из подобных вечеров «оконфузилась» ее тетка — графиня А. Ф. Закревская:

«— Ma cousine, что у вас сегодня было за обедом? — вдруг ни с того ни с сего спросила она у маменьки.

Маменька сконфузилась и назвала ей три кушанья, из которых последнее было квасной кисель. Графиня Аграфена Федоровна с удивлением опять спросила:

— Что это такое квасной кисель? Я никогда его не ела, это вкусно? Дайте мне немножко его попробовать!..

Берет с плерезом.
Д. Хейтер. Портрет Е. К. Воронцовой.
Холст, масло. 1832 год

Принесли тарелку киселя в гостиную и поставили перед ней на греческий столик; и она при всех наших гостях, разряженная в пух и прах, в пунцовом берете с перьями, начала одна уплетать кисель за обе щеки, приговаривая: «Mais c'est très bon». Проглотила всю тарелку, потом попросила квасу, попила, сказала несколько раз маменьке: «Хи... хи... хи... ma cousine!.. ха... ха... ха!.. ma cousine!..» и уехала. Графиня Закревская с женщинами говорить не умела. Вообще ее нашествие к нам было очень похоже на то, как дамы-благотворительницы пробуют у нищих щи...»³

Наряду с беретами большую популярность приобрели тюрбаны. Они пришли в наряды светских дам из театрального костюма и использовались как парадный головной убор. В них выезжали на балы, в театр, любили позировать художникам. Одна из петербургских газет сообщала: «Тюрбаны нынче в большом употреблении: они бывают черные бархатные, вышитые золотом и разноцветными шелками, или из персидской материи с цветными и золотыми полосками, или белые кисейные с вышитыми золотом небольшими пальмами»⁴. Делали тюрбаны из шелка, газа, парчи, бархата, крепа, тонкой индийской кисеи, «шалевого» ткани желтого цвета райской птицы»; украшали их перьями, золотой или серебряной бахромой, драгоценностями. Аграфена Федоровна, собираясь на бал, «явилась <...> в пунцовом бархатном платье и желтой креповой чалме с золотой бахромой. Это к ней очень шло»⁵. Тюрбаны встречались в бальных туалетах

Тюрбан.
М. М. Даффингер. Портрет графини Марии Александровны Мусиной-Пушкиной. Миниатюра. Кость, гуашь, акварель. Начало 1820-х годов

дам на протяжении всего XIX столетия — например, в середине 1890-х годов мать князя М. В. Голицына «была удивительно красива в тонком бархатном платье с большим белым тюрбаном на голове»⁶.

В повседневности получила распространение шляпка «капот». Ее поля плотно окаймляли лицо дамы и сходились под подбородком,

Капоты. Иллюстрация из модного журнала. 1820 год

делая профиль своей обладательницы практически невидимым. Это объясняет, почему щеголь Балбесов «идет мимо, продолжая заглядывать под шляпки и бормотать: *pas mal!*»⁷ Впрочем, капот надежно защищал даму не только от любопытных взглядов, но, главное, от сурового климата: зимой «для катанья с гор надевают шелковые капоты, опушенные собольими или лебяжьим пухом»⁸. Капот и схожие модели — кибитка и капор — не выходили из употребления в течение нескольких десятилетий. «Княгиня Мария Михайлова была весьма почтенного возраста и весьма старомодных

Шляпа-капот. Модная картинка из журнала «Галатея» (1829. №37)

взглядов. Неизменно носила капор, модный в сороковых годах, потому что он очень шел ей, когда она была молоденькой девушкой. В торжественных случаях она украшала свой капор целым набором перьев. Когда вдовствующая императрица (Мария Федоровна, супруга Александра III. — *Т. Р.*) впервые привела к Алике (Александре Федоровне, супруге Николая II. — *Т. Р.*) старую княгиню, та была вся в перьях. Молодая императрица с интересом разглядывала княгиню. <...> Затем, обратившись к свекрови, она совершенно серьезно спросила, неужели такой странный головной убор

по традиции носят гофмейстерины»⁹. Несмотря на очевидные удобства этого фасона шляпы, он доставлял иной раз немалые неудобства. Е. М. Новоселова так описывала прогулку в Таврический сад в бытность свою институткой: «Шли мы со Знаменской улицы стройными рядами под предводительством классных дам. <...> Смотреть по сторонам мы не смели, да и трудно это было в наших белых туго накрахмаленных коленкорových шляпках-кибитках»¹⁰.

С 1850-х годов в моду вошли широкие кринолиновые юбки, поэтому головные уборы зрительно уменьшились. В одном из журналов

Наколка.
П. Ф. Соколов. Портрет графини
Е. В. Васильевой, урожденной Вильсон.
Фрагмент. Бумага, акварель. 1846 год

отмечалось, что дамы «придерживают на голове какое-то маленькое, кругленькое тюлевое или креповое блюдечко, покрывающее одно темя. Присутствие этого блюдечка заметно, только если смотреть на гуляющую даму с верхнего этажа дома»¹¹.

Позже стала популярна шляпка с вуалью, прикрывавшей лицо и завязывавшейся сзади на тулье. Столичный «Модный магазин» (1864. № 8) предостерегал дам: «Хорошо тем, у кого нос обточен нежными руками граций, но беда тем, у кого он слишком мал или чересчур длинен!.. Это производит странный эффект с предательским вуалем».

Летом модницы носили соломенные шляпки, которые стоили дорого, так как завозились из Италии или Швейцарии, причем лучшими считались итальянские модели, произведенные в Тоскане. Вот рекомендации столичного журнала: «Соломенная шляпка всегда хороша, если только форма ее нова без преувеличения, если ленты идут к цветам, если, одним словом,

Шляпка с вуалью.
И. Е. Репин. Портрет баронессы
Варвары Ивановны Икскуль фон Хильденбрандт.
Фрагмент. Холст, масло. 1889 год

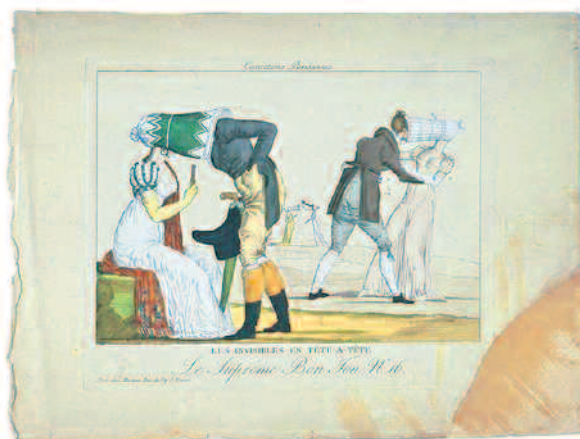
Летняя шляпка.
П. Ф. Соколов. Портрет Е. Г. Чертковой.
Бумага, акварель. 1820-е годы

уборка прилична шляпке»¹². Спрос на изделия из светлой и темной соломы особенно возрос в конце XIX века.

Носили также бастовые шляпы, изготовленные из рисовой соломы. В начале XIX века княгиня Варвара Алексеевна Репнина-Волконская организовала свое производство шляп «на манер итальянских» из отечественного материала, и ее изделия получали высокую оценку¹³.

Карикатура.

Иллюстрация из книги: Руга В., Кокорев А.
«Москва повседневная. Очерки городской жизни
начала XX века» (М., 2006)

Карикатуры
на тему
дамских
шляпок из
журналов мод
XIX—начала
XX века

Для эпохи модерн были характерны большие шляпы с широкими полями, на которых часто помещались цветочные композиции внушительных размеров, банты, перья и чулки птиц. Нередко подобная «одежда для головы» превращалась в произведение декоративного искусства. Однако благодаря такой «мод» наносился ущерб фауне. Так, например, в 1892 году владелец только одной московской шляпной фабрики отправил за рубеж 30 тысяч воробьев, 1 тысячу дятлов, 30 тысяч белых куропаток, 3800 цапель и 1200 чаек, а в 1911-м на Каспийском побережье было заготовлено 150 тысяч галок, 20 тысяч гагар, 3500 лебедей. Этот промысел приобрел столь большой размах, что вызвал обеспокоенность ученых¹⁴; газеты и журналы на превратности шляпной моды реагировали безжалостными карикатурами.

Траты на приобретение шляп у наших аристократок были скромнее, чем у зарубежных, что объясняется, в частности, суровым климатом России. В 1804 году «Журнал для милых» подсчитал годовой расход светской дамы на предметы гардероба. Итог: головные уборы — 290 рублей, обувь — 300 рублей, платья, шубы — 700 рублей (сюда же входили драгоценности — 52500 рублей)¹⁵. В этот же период во Франции на первом месте стояли шляпы. Их каждая модница имела столько же, сколько дней в году¹⁶.

Особый расцвет шляпной моды пришелся на XIX—начало XX века. Дамы приобретали шляпки в магазинчиках и лавках. Новинки поставлялись в Москву из Санкт-Петербурга, а туда привозились из Парижа. Успешно работали в тот период известные петербургские и московские швейные мастерские «Лома-нов», «Г-жа Ольга», «Бризак», «Иванова», «Шансо», а также отдельные модистки. «Московские ведомости» сообщали: «Мария Дюлу, которая имеет лавку на Кузнецком мосту, честь имеет объявить почтенной публике, что, приехавши из С.-Петербурга, привезла все что ни есть лучшее и по самому новейшему вкусу, а именно: шляпки, шитые платья с цветами, серебром и золотом, и все что касается до дамских уборов» (1817. №79). Или: «Шарлота Монигетти <...> вновь открыла новомодную лавку дамских разных уборов, как-то: шляпки последнего вкуса, полученные из С.-Петербурга, чепцы новые, новые ридикюли, новомодные дамские шарфы, гарнитуры и проч. Она имеет лавку на Петровке, в доме г-жи Раевской» (1817. № 81).

Кому-то удавалось приобрести новинки непосредственно за границей. К примеру, просьбу графини А. Ф. Закревской любезно

НРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

*Магазин русских изделий в доме князя Гагарина на Кузнецком мосту в Москве.
Иллюстрация из книги: Шипова Т. Н. «Фотографы Москвы (1839–1930):
биографический словарь-справочник» (М., 2006)*

исполнил князь Петр Михайлович Волконский, сообщавший из Парижа ее супругу: «Касательно чепцов из цветного флера остановился, потому что таковых здесь не носят и не делают; разве непременно она сего пожелает, то прошу написать и тогда их нарочно закажу, и прибавить, с цветами ли, или без цветов. До тех же пор решился взять наудачу у славного г. Гербо саомоднейшие и наряднейшие два чепца; надеюсь, что понравятся, потому что берут их нарасхват, так что пока выбирал оные, то шесть других купили. Также прошу уведомить, нужны ли после сего еще два блондовые чепчика»¹⁷.

Считалось, что получить информацию о последних веяниях моды можно только в Париже, поэтому «главные модистки петербургские предпринимают каждое лето плавание во Францию, и, новые Аргонавтки, привозят с собою если не золотое руно, то по крайней мере не меньшие сокровища: новые идеи для нарядов, новые законы моды. В числе таких вертлявых Аргонавток находилась посланница модного магазина г-жи Пюифера (в Большой Морской, в доме Лесникова), возвратившаяся к нам с блистательными трофеями. Кто хочет получить понятие о том, что составляет теперь принадлежность модного наряда,

тех приглашаем в магазин г-жи Пюифера. Здесь не налюбуетесь наколками (coiffures) в стиле средних веков и Возрождения à la Помпадур, крошечными блондовыми чепчиками, украшенными бархатными цветами, и т. п. Но что можно назвать совершенною новостью — это ток Тартикос (Tarticos), имеющий вид греческого тока, но составленный из материи, на которую нашиты золотые украшения. В Париже эти токи заказываются только у одной модной модистки, и у нее-то училась посланница магазина Пюифера, M-lle Dechabanne, которая поэтому единственная мастерица в Петербурге для составления этих накладных узоров и украшений. При наступлении времени на зимние шляпки рекомендуем этот же магазин, где найдете привезенные из Парижа филиграновые сетки, которыми теперь покрывают атласные шляпки. Бархатные шляпки там восхитительны»¹⁸.

В Петербурге лучшие магазины располагались на Невском проспекте и в прилегающих к нему улочках. Цены на изделия в этих «храмах вкуса» были немалые. Оно и понятно: в 1830-х годах две комнаты под магазин на Невском проспекте нанимали за 5–6 тысяч рублей в год¹⁹. Для сравнения: квартиру в бельэтаже из 9 комнат на Галерной улице А. С. Пушкин в 1831 году

Бывали и такие шляпки...

Е. А. Плюшар. Портрет В. В. Самойловой (?).

Начало 1840-х годов

снял за 2500 рублей в год, а в 1832-м из 12 комнат по Большой Морской улице — за 3300 рублей²⁰.

Ассортимент шляпных магазинов не оставлял никого равнодушным: тут было «собрано все, что вкус и мода изобрели в Париже и Лондоне, все, что может удовлетворить желаниям, прихотям»²¹. Петербургская знать любила посещать торговые заведения: «здесь обычай разъезжать поутру по магазинам, хотя бы без дела, но только чтоб присмотреться к новостям, встретить знакомых, потолковать, узнать что-нибудь. Это род прогулки в дурное время, т. е. три четверти года»²². Вот типичная сценка: подкатывает карета, в лавку вбегает молодая хорошенькая женщина в сопровождении мужа. И «загремел разговор (разумеется, на французском языке). Дама потребовала всего, что есть лучшего; пересмотрела все: шкапы, ящики, картоны; примерила четыре или пять шляпок, шесть или семь чепчиков, беспрестанно подбегала к мужу и зеркалу, хотала и не переставала говорить. Французженка с своей стороны не переставала ей отвечать, хвалила свои моды, и они две подняли такой крик»²³, что посетители готовы были бежать прочь. Перерыв все и оставив за собой кучу разбросанных вещей, дама хлопнула дверью и исчезла...

Конечно, шляпные магазины «нужны и даже необходимы; в этом нет спора, но говорить об них нельзя серьезно. <...> Благоразумный

человек должен или сердиться, или хохотать, вспомнив, что аршин шелковой ткани с двумя или тремя аршинами лент продается в виде шляпки по пятидесяти и более рублей»²⁴.

В 1830-х — первой половине 1840-х годов в Петербурге, несмотря на высокие цены, дамы мечтали заполучить наряд к балу или празднику у модистки Сихлер²⁵. Между тем «один добрый провинциал уверял, <...> что модная шляпка у Сихлер дороже, по мнению его, копны молоченого хлеба, и что ему желательно бы послужить в Петербурге и пожить здесь вместе с женою, но пока будет существовать

...и такие.

Н. Н. Дубовский. Портрет неизвестной с биноклем. Холст, масло. 1899 год

мадам Сихлер, он никак не решится переехать сюда»²⁶. Ее мастерская на Большой Морской улице (дом 31, владение Храповитских, «Sichler Marchand de Nouveautes») не испытывала недостатка в заказах еще и потому, что услугами мадам пользовалась сама супруга императора Николая I. В 1830 году после нескольких лет перерыва возобновилось любимое публикой «Петергофское гулянье», к которому всегда тщательно готовились. «Для этого праздника мадам Сихлер <...> выписала из Парижа две какие-то необыкновенные шляпки из итальянской соломы, разумеется, баснословной цены — и одна из этих шляпок была на императрице Александре Федоровне,

другая на Нимфодоре Семеновне (Семеновой, оперной певице, сестре трагической актрисы Екатерины Семеновой. — *Т. Р.*). Это многие заметили, и эффект, произведенный таким важным событием, льстил тщеславию последней. Однако же эта бестактность недешево обошлась и ей, и ее покровителю. Император Николай Павлович через графа Бенкендорфа предложил графу Пушкину впредь быть несколько осмотрительнее при выборе мод для его Семеновой»²⁸.

Мадам Сихлер не ограничивалась Северной столицей, ее мастерская работала и в Москве — в доме «генеральши и кавалерственной дамы» Е. П. Глебовой-Стрешневой на Большой Дмитровке. Этот адрес знали москвички нескольких поколений. «Держался в течение пятидесяти лет <...> модный магазин Сихлер неподвижно на одном месте, на углу Газетного переулка и Большой Дмитровки»²⁹. Дом сохранился до наших дней. Конечно, не все пятьдесят лет в нем «царствовала» Сихлер. Так, в 1843 году она еще работала в Петербурге³⁰, а «Московские ведомости» сообщали: «Мадам Оже (Auger — *Т. Р.*), модистка из Парижа, в Газетном переулке, в доме Глебовой-Стрешневой <...> имеет честь известить дам, что они найдут в ее магазине большой выбор шляп, сделанных по образцам, полученным ею из первых модных магазинов Парижа и Петербурга. Она смеет льстить себя надеждою, что все новейшее, грациозное и отделанное

с отличным вкусом и легкостью в цветах, материях и лентах дамы найдут в ее магазине»³¹.

Позже здесь работала мадам Дюбуа. Журнал «Москвитянин» (1856. № 7) захлебывался от восторга: «Бесспорно, из всех московских модных магазинов самый лучший магазин г-жи Дюбуа, бывший Сихлера: конечно, и в других магазинах вы найдете превосходные шляпки и уборы; но там иногда, а здесь всегда вы увидите полный и превосходный выбор этих вещей. <...> Положимте, что теперь Страстная неделя, что к Святой вам, любезная читательница, необходима новая шляпка;

«Эта шляпка, кажется, не произведение человеческих рук, а действительно цветок, только лишь сей час отделенный от своего стебля».

Я. И. Аргунов. Портрет неизвестной. Холст, масло. 1830 год

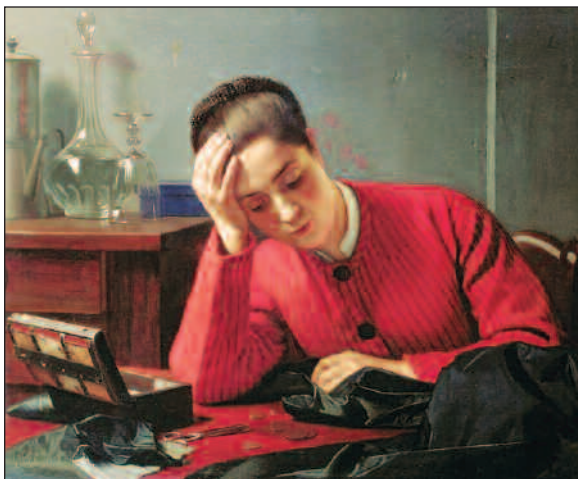

*Чепец.
Н. И. Аргунов. Портрет П. И. Шереметевой (в красной шали).
Фрагмент. Холст, масло. 1801–1802 годы*

отправляйтесь прямо к мадам Дюбуа, смело пробирайтесь в круглую залу ее магазина. Смотрите, на этом круглом столе стоят сотни головных уборов; <...> все эти эфемерные создания французской искусницы привлекательнее одно другого. Но могу вас уверить, что это не богатейшие и не лучшие; велите открыть шкапы, и там вы увидите действительно такие прелести, которые могут восхитить и не женщину, даже и мужчину с эстетическим чувством. Вот посмотрите эту креповую шляпку: она, кажется, вся составлена из воздуха; эта китайская роза, облитая росой, кажется, не произведение человеческих рук, а действи-

ПРАВЫ И ХАРАКТЕРЫ

К. Е. Маковский. *Швея. Холст, масло. 1861 год*

тельно цветок, только лишь сей час отделенный от своего стебля; или вот эта розовая шляпа из пу-де-суа, гарнированная только лентами и кружевами, какая стройность во всех ее частях! Несмотря на ее простоту, видно, что ее делали с любовью, также как вот и эту богатую шляпу с перьями и блондовым полуваулем. Какой счастливице достанется этот наряд? Кто кинет за него 25 р. сер.? И раз три-четыре будет красоваться в нем? <...> Здесь всегда огромный запас чепцов, чепчиков, наколок, уборчиков из лент, бархата, блонд, цветов и проч.».

Демократизация одежды, начавшаяся в Европе еще в эпоху Великой французской революции, привела к развитию производства

сравнительно недорогих шляпок, которые стали достоянием не только аристократок. Представительницы среднего сословия выбирали обновки в «Базаре изделий русских фабрик», который в 1849 году объединился с «Магазином русских изделий» и располагался в помещении последнего на Кузнецком мосту (здание, принадлежавшее князю Г. Г. Гагарину, а позже значительно перестроенное, сохранилось ныне во дворе дома № 19³²).

Журнал «Модный магазин» в феврале 1864 года рекомендовал некую г-жу Рейзакер, которая «делает прелестные куафюры, чепчики, шляпы и т. д. по таким дешевым ценам, какие только могут брать люди, живущие своим трудом, не обижая себя. Живя долгое время в Париже, г-жа Рейзакер работала в мастерских лучших модисток и приобрела тот парижский шик, то искусство грациозно свертывать кружева и ленты — *chiffonner une coiffure*, за которое француженки берут так дорого. То, что мы видели из работ г-жи Рейзакер, нисколько не уступает лучшим произведениям французских модисток». Видимо, госпожа имела оглушительный успех, ибо уже через несколько месяцев она съехала из квартиры на Гончарной улице в Петербурге и принимала заказы в новой мастерской на Невском проспекте.

Некоторые же дамы мастерили себе шляпки сами. Вышеупомянутая Мария Каменская вспоминала: «Маменька, тетка и бабушка работали целое утро кто во что горазд. Таких рукодельниц, как они были, поискать, так не найдешь: у нас все делалось дома, от шляпки до башмака»³³.

П. А. Федотов. *Модный магазин. Бумага, наклеенная на картон, сепия, перо. 1844–1846 годы*

* * *

Многие шляпки XIX века сегодня кажутся перегруженными украшениями и оттого даже аляповатыми. Журнал «Галатея» (1829, № 52) предупреждал читателей: «Богатое и оригинальное убранство не всегда бывает лучшее. Вкус, эта главная стихия туалета, есть истинной тип изящества: один только вкус показывает даме, какой цвет идет к ее лицу, какая отделка более прилична ее стану, какая головная уборка придает более прелести ее волосам. Его-то одни называют искусством, другие кокетством; но в самом деле он есть не что иное, как врожденный инстинкт у всех женщин». Впрочем, общественные нравы были таковы, что «дама, одевающаяся с необыкновенным вкусом, всегда подвергается маленькому порицанию даже в кругу своих родственников и коротких приятельниц. Богатство нарядов прощается велико-

душно в модном свете, <...> но простота наряда, соединенная со вкусом, есть уголовное преступление в кодексе туалетном»³⁴. Журналы ставляли: «Как бы велик ни был талант модистки, вы сами должны уметь выбрать себе шляпу и прическу, если у вас есть вкус и вы немного постараетесь. Покупайте ваши шляпы в хороших магазинах, не бойтесь оригинальности, одной грации теперь недостаточно. <...> Когда вы покупаете шляпу, перепробуйте разные фасоны, пока не нападете на ту, которая вам к лицу; перемените несколько модисток, пока не найдете такую, которая поняла бы характер вашего лица. Если в первый день вы не найдете такой, ищите на другой день опять, на третий и т. д., но никогда не берите шляпы, которая бы имела вид, что вы заняли ее у кого-нибудь»³⁵.

Что ж, с тех пор, кажется, ничто не изменилось...

¹[Ключева М. И.] Страницы из жизни Санкт-Петербурга 1880–1910 гг. // Невский архив. Вып. 3. СПб., 1997. С. 212.

²Вигель Ф. Ф. Записки. Кн. II. М., 2003. С. 1229.

³Каменская М. Ф. Воспоминания. М., 1991. С. 83.

⁴Северная пчела. 1830. № 19. 13 февраля.

⁵Каменская М. Ф. Указ. соч. С. 245.

⁶Голицын М. В. Мои воспоминания. 1873–1917. М., 2007. С. 136–137.

⁷Великий муж на малые дела, или русский фашонбл нашего времени // Булгарин Ф. В. Дурные времена. Очерки русских нравов. СПб., 2007. С. 231.

⁸Северная пчела. 1837. № 84. 15 апреля.

⁹Тисдолл Э. П. Вдовствующая императрица. Триумфы и поражения. СПб., 2004. С. 243–244.

¹⁰Новоселова Е. М. Воспоминания 50-х годов // Русская старина. Т. 148. СПб., 1911. № 10. С. 99.

¹¹Модный магазин. 1866. № 19. С. 298.

¹²Моды // Сын Отечества и Северный Архив. СПб., 1834. № 25. С. 517.

¹³Журнал мануфактур и торговли. СПб., 1829. № 6. С. 73–74; № 10. С. 117.

¹⁴Горяшко А. Государева заповедь. История российских заповедников // МОЛ. 2002. № 4–5 (<http://moljane.narod.ru>).

¹⁵Сулина Е. Н. Повседневная жизнь русских щеголей и модниц. М., 2003. С. 254–255.

¹⁶Дамские моды XIX века. Историко-художественная монография о женских нравах и вкусах. СПб., 1899. С. 66–67.

¹⁷Бумаги графа А. А. Закревского // Сборник Императорского Русского Исторического общества. СПб., 1890. Т. 73. С. 91.

¹⁸Листок для светских людей. СПб., 1843. № 40.

¹⁹Ф. Б. [Булгарин Ф. В.] Петербургские записки. Толки и замечания сельского жителя (прежде бывшего горожанина) о Петербурге и петербургской жизни // Северная пчела. 1833. № 35. 15 февраля. С. 140.

²⁰Юхнёва Е. Д. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. М., 2007. С. 145.

²¹Письма провинциалки из столицы // Булгарин Ф. В. Дурные времена. Очерки русских нравов. СПб., 2007. С. 51.

²²Там же.

²³Яковлев П. Л. Чувствительное путешествие по Невскому проспекту // Прогулки по Невскому проспекту в первой половине XIX века. СПб., 2002. С. 64.

²⁴Ф. Б. [Булгарин Ф. В.] Петербургские записки... // Северная пчела. 1833. № 98. 4 мая. С. 392.

²⁵В литературе встречается и другое написание этой фамилии — Сиклер.

²⁶Пушкарёв И. И. Николаевский Петербург. СПб., 2000. С. 581.

²⁷Келлер Е. Э. Магазины // Три века С.-Петербурга. Т. II: XIX век. Кн. 4. СПб., 2005. С. 5.

²⁸Каратыгин П. А. Записки. Л., 1970. С. 198.

²⁹Записки гр. М. Д. Бутурлина // Русский архив. 1897. № 7. С. 437.

³⁰Пушкарёв И. Путеводитель по Санкт-Петербургу и окрестностям его. СПб., 1843. С. 451.

³¹Московские ведомости. 1843. № 37. 27 марта.

³²Федосюк Ю. Кузнецкий мост // Наука и жизнь. 1983. № 1. С. 73.

³³Каменская М. Ф. Указ. соч. С. 73.

³⁴Хладнокровное путешествие по гостиним // Булгарин Ф. В. Дурные времена. Очерки русских нравов. СПб., 2007. С. 105–106.

³⁵Цит. по: Великая тайна одеваться к лицу. СПб., 1992. С. 143–145.